

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

НИСАН-ИЯР 5766

ПЕТРОЗАВОДСК

АПРЕЛЬ 2006

№ 93

Адин Штейнзальц отвечает на вопросы
москowsкой журналистки Марины Тульской

МЫ ПРИНЯЛИ ТОРУ ВСЕРЬЕЗ

"Человек с улицы хочет, чтобы с ним говорили на языке улицы."

Именно так говорит политическая элита Израиля"

- Расскажите, пожалуйста, немного о себе и своей семье.

- По материнской линии моя семья происходит из Белоруссии, по отцовской - из Польши. Мама выросла в Тамбове. А я родился в Израиле, в Иерусалиме, и до сих пор там живу. Учился на физико-математическом факультете Еврейского университета в Иерусалиме. После учебы два года преподавал в средней школе. А потом перешел, что называется, на совершенно другие рельсы.

- И это было связано с верой?

- В каком-то смысле у меня все связано с ней. Даже сам факт моей учебы в университете. Я искал свой путь в жизни и, с моей точки зрения, Вс-вышний, ставил мне много препятствий. Мои родители не были религиозными, общество, в котором я жил, в значительной степени тоже не было религиозным. И духовная жизнь, которую я вел, не была связана с иудаизмом.

- И когда же наступил тот переломный момент, который определил вашу дальнейшую жизнь?

- У нас, евреев, это, как правило, не происходит одновременно. Мы ведем постоянную борьбу с самим собой, обществом, с судьбой. И победитель в этой борьбе в конечном итоге приходит к тому, к чему пришел я. У меня какое-то время был ученик, очень образованный и интеллигентный человек, писатель. Через какое-то время он стал религиозным человеком и впоследствии основал киббуц (сельскохозяйственное поселение - М. Т.). Я его спросил: "Почему ты это сделал?" Он ответил: "В книге Иова я наткнулся на фразу, с которой тот обращался к Богу: "Что человек, что Ты возвеличиваешь его, и что обращаешь на него внимание Твое?" И я подумал: если Всевышний так относится ко мне, как я могу не ответить Ему взаимностью?!" И знаете, услышанное от этого человека изменило мою жизнь.

Когда наступают тяжелые времена, я вспоминаю эту историю и этот разговор с моим учеником.

- Происходило ли с вами что-то необычное, мистическое?

- Если мистика означает видеть ангелов глазами, то нет. Если мистика - это ощущение присутствия Творца, понимания того, что Он ведет тебя различными путями, то такой мистики было в моей жизни много.

- Вы много ездите, бываете в еврейских общинах разных стран, ведь, насколько я понимаю, иудаизм - это вера одной семьи, и именно еврейского народа?

- Совершенно верно. Мы, евреи, видим себя в качестве народа священников, народа, который весь служит Всевышнему. Поэтому, учитывая это, я работаю во многих странах, и много людей работают вместе со мной. Есть просветительские центры, основанные мной, и ко мне обращаются люди со всех концов света. Диапазон широк: от местных сумасшедших - до глав правительств разных стран.

- В каких странах вы работали?

- О, география самая широкая! От Чили до Канады, от Гонконга и Сингапура до Австралии, от одного конца Штатов до другого. От Петропавловска-Камчатского до Калининграда. Я, конечно, бываю и в Европе, но реже.

Кстати, небольшая, но очень сильная еврейская община есть в Южно-Африканской республике. Было бы прекрасно, если бы еврейская община России стала столь же влиятельной, как и община ЮАР. В России есть евреи, которые занимают серьезное положение в экономике, искусстве, научном мире, но, если рассматривать российскую еврейскую общину как нечто целостное, то она, к сожалению, стоит на одном из последних мест в мире.

- Вы часто бываете в России?

- По крайней мере, каждый месяц. Мне очень важно происходящее здесь, и я буду рад, если мои знания и потенциал будут востребованы в еще большей степени, чем сегодня. Я останусь другом вашей страны, пока живу на этом свете.

- А как вы относитесь к тем евреям, которые приняли крещение?

- Если это происходит из соображений моды, выгоды или ради карьеры, то грош цена такому человеку. И его христианство тоже ничего не стоит. Но порой бывает, что крещеный еврей становится гораздо более рьяным христианином, чем прирожденные христиане. Есть определенный процент евреев, которые, крестившись, еще davantage становились антисемитами.

Хорошо это или плохо? Чтобы ответить на этот вопрос, я должен рассказать одну историю. Когда-то давно я был в Грузии и встретился там с главой Грузинской Церкви. Мы с ним часто беседовали. И он сказал мне, что на протяжении многих лет Грузия и Грузинская Церковь дружелюбно относились к евреям. В то время там была маленькая внутрицерковная группа, настроенная антисемитски. И проблема как раз в том и состояла, что ее преемником был крещеный еврей.

К слову, вспомнился один старый еврейский анекдот. Однажды польский шляхтич зашел в церковь помолиться. Стоит он перед распятием и просит о помощи. И, заканчивая свою молитву, говорит: "Послушай! В конце концов, вспомни: кто ты, а кто я! Ты - жид, а я - шляхтич".

- Ваши дети тоже раввины?

- Это не передается по наследству. У меня дочь и два сына. Дочь зовут Эстер, старшего сына - Менахем, правда, у него есть еще два имени - Яков и Цви. Дочь, естественно, раввином стать не может, но старший сын - раввин в одном из университетских городков в США. Младший сын только что женился, и я не знаю, что с ним будет дальше. Вполне возможно, он станет раввином или педагогом, или отправится с просветительской миссией в какие-то дальние страны... Но, насколько я знаю его характер, больше всего он хотел бы сидеть дома и писать стихи на религиозные темы.

- К какой ветви иудаизма вы принадлежите?

- Я отношу себя к хасидам, одному из основных направлений в ортодоксальном иудаизме. Оно включает в себя десятки движений и течений, и одно из них, любавичское, наиболее близко мне по своему мировоззрению и подходу к служению Всевышнему.

- Почему вы избрали именно хасидизм?

- С юных лет я знал, что моя семья принадлежала к потомкам великих учителей хасидизма, что я прямой потомок ребе из Ворки и ребе из Слонима. Все, что я в детстве знал об иудаизме, приходило ко мне через призму этого наследия. Были времена, когда я не был уверен в том, что буду соблюдать субботу и ходить в синагогу, но и тогда речь шла только о хасидской синагоге. Для меня религиозный еврей - это в первую очередь хасид. Подлинно еврейские стиль и образ жизни, примеры личностей, вдохновлявших на подражание, в моих глазах были всегда связаны с хасидизмом. Лишь многие годы спустя определяющими для меня стали учение и мировоззре-

ние, но первый выбор предначертало происхождение.

- Что отличает хасидов от представителей других ветвей иудаизма?

- Кто-то из великих определил разницу между хасидами и иными религиозными ветвями так: "Мы приняли Тору всерьез!" Смысл сказанного в том, что хасиды стараются подогнать свои желания и нужды под законодательные и мировоззренческие положения Торы, а не наоборот. Хасиды не пытаются сделать свою веру более удобной, истолковывать положения Торы аллегорически, осовременивать в угоду моде и господствующему общественному мнению и мировоззрению. В этом главное и наиболее существенное (как фактическое, так и историческое) отличие хасидизма от иных направлений в иудаизме.

Что же до обычно приводимых внешних различий, то за исключением экзотических ныне видов старинной одежды, которые до сих пор в ходу у некоторых направлений, все иные характерные проявления хасидского образа жизни были заимствованы, в явной или скрытой форме, другими течениями в традиционном ортодоксальном иудаизме. Когда-то у хасидов было еще одно важное отличие: ирония и сомнения, в первую очередь по отношению к самим себе. Теперь все одинаково деловиты и уверены в своей правоте. И это грустно...

- Каббала непосредственно связана с хасидизмом?

- Точнее говоря, это хасидизм связан с каббалой (эзотерическое, мистическое течение в иудаизме. - Прим. ред.). Разницу между ними можно уподобить различиям между чистой и прикладной математикой. Если каббала изучает духовную структуру мироздания и все его составляющие, то хасидизм занимается прикладными исследованиями: как человек должен взаимодействовать с Богом, миром и собственной душой. Вообще же каббала является неотъемлемой частью всего ортодоксального иудаизма.

Скажу даже определеннее: в иудаизме иной теологической школы, кроме каббалистической, нет! Нельзя всерьез заниматься теологическими исследованиями без понимания каббалы.

- Где можно изучать каббалу?

- Основные центры по ее изучению находятся в Израиле. Есть школы каббалистов, где ее серьезно изучают денно и нощно, синагоги, где молятся с применением каббалистических техник и методов. Впрочем, в основном изучают ее теоретические аспекты. Применяющих свои знания в повседневной жизни, на практике, очень немного, а честных и психически здоровых среди них еще меньше.

Большинство "любимцев публики" не являются подлинными каббалистами - знатоками учения и праведниками. Истинных знатоков очень мало, и они практически неизвестны широким кругам. Им это просто не нужно и неинтересно.

- Сейчас в России открывается много центров по изучению каббалы. С чем, на ваш взгляд, это связано?

- Резкая смена шкалы ценностей, духовный вакуум, погоня за деньгами - все эти признаки смутного времени порождают нездоровый интерес к волшебным средствам для решения проблем: магии, мистике, эзотерике. На этом фоне понятен и закономерен возникший интерес к каббале как одному из проявлений мистического видения мира.

Впрочем, этот интерес не трансформируется ни в теологические исследования, ни в образ жизни. Так, спекуляция на интересе... А еврейского в этой магии не больше, чем в культе "вуду", разве что терминология.

Фаня

Двор моего детства выдающиеся личности почему-то не посещали, но иногда встречались местные знаменитости. Именно такой был парикмахер Берл Гальперин. Себя он называл Борис Яковлевич, но двор его звал Берл дер гелер, т.е. Рыжий. Усаживая клиента на обычный стул с деревянными подлокотниками, почему-то называемый креслом, он задавал традиционный вопрос: "Вам стричь - да, или Вам стричь - нет?" Однако известность ему принесло не это. Известность ему принесла его младшая дочь Фаня, мизинка. Фаня была красивой девочкой, с очень приятным личиком и весьма привлекательной фигуркой. Двор ее оценил вполне определенно: "красивая, как солнышко". Возле Фани всегда вертелась ребята, а мужчины ее провожали продолжительным взглядом. Фаня любила петь. У нее был красивый, сильный голос и она мечтала стать певицей. К удивлению всему двору, Фаня, окончив школу, поступила в Киевскую консерваторию. Берл, ее отец, от радости земли под собой не чуял: шутка ли, его Фаня стала студенткой! Единственной студенткой в нашем дворе! Все его поздравляли, все ему завидовали.

Осенью Фаня уехала учиться. Большой город, занятия, самостоятельная жизнь, общежитие, студенческая среда - все это для нее, провинциалки, было непривычным, новым и вызывало смешанное чувство легкого замешательства и гордости. Фаня со всем этим удивительно быстро освоилась и включилась в обычную студенческую жизнь: лекции, столовая, домашние задания, вечерами по выходным иногда танцульки.

Успех у противоположного пола сопровождал ее и здесь. Парни к Фане тянулись, не оставляли без внимания. На танцах ее неизменно приглашали, с ней старались познакомиться. В общем, она, как говорят, пользовалась успехом, что нередко вызвало зависть и злобу подружек. Иногда, развлекая ради, она кружила ребятами головы, заводя легкие флирты. Но один студент, по имени Степан Чуб, проявлял к ней особую активность. Он всегда был возле нее, дарил ей дешевые безделушки, угощал мороженым и разными деликатесами, присылаемыми ему из деревни. Фаня к этому относилась спокойно. Просто ей, как и любой женщине, ухаживание было приятно, льстило. Но, так или иначе, со Степаном она проводила больше времени, чем с другими ребятами. Они подолгу прогуливались по ночному Киеву или сидели на скамейке в каком-нибудь парке, иногда допоздна. Их дружба была заметна, о ней говорили, многие завидовали. Все было бы хорошо, но у Фани, молодой и неопытной, стала портиться фигура...

Родилась девочка, Оленька. Жизнь сделала круглой поворот, все изменилось. Что делать, как быть, как жить? О женитбе и речи быть не могло. Его родители даже видеть ее не хотели. Им достаточно было одного имени. А ее - проклинали тот час, когда она стала студенткой. В те далекие довоенные годы смешанные браки были большой редкостью. Еще реже встречались матери-одиночки. Презирали не только их, но и их детей-байстрюков.

На ее юные Фанины плечи обрушилось множество непредвиденных и невероятно тяжелых проблем, с которыми и в нормальных условиях справиться совсем не просто, а ей? Одной, в общежитии, с маленьким ребенком, которого необходимо кормить, купать, пеленать, без средств к существованию, презираемой. Не с кем посоветоваться, не у кого спросить, некому и поплакаться. Порой охватывало отчаяние, опускались руки, в голову закрадывались черные мысли. Как будет жить этот маленький родной комочек, кто о нем позаботится, кто его приласкает?

Так безрадостно, в постоянных заботах и лишениях, проходила Фанины дни. Но настали времена еще хуже, еще более тяжелые - разразилась война!

Немцы быстро подошли к Киеву. Паника, анархия, безвластие охватили этот огромный человеческий муравейник. Никто не знал, что делать, куда бежать, у кого спросить? Люди металась, как ослепленные птицы, ломая себе крылья. В поезде, уходящие на восток, попасть было невозможно. Там царил жестокая, грубая сила. От Степана, как и прежде, никакой помощи, да и он куда-то исчез. Фаня осталась совершенно одна, растерзанная, раздавленная, беспомощная, с маленьким ребенком на руках.

Немцы вошли в Киев, и сразу же началась охота на евреев, грабежи еврейских домов, расстрелы, убийства, депортации, массовые расстрелы. Особенно усердствовали наши бывшие соседи, друзья, приятели, хорошие знакомые... Фаня ежeminутно ждала смерти и молила, чтобы она была мгновенной, без мучений.

Но ей несказанно повезло. Судьба, казалось, отвер-

нувшись от нее, улыбнулась. Где-то она нашла паспорт на имя Ванды Свенцицкой, молодой полячки. Фотографию Фане умело переклеили, и она начала новую, чужую жизнь, жизнь Ванды Свенцицкой. Ее не трогали, но каждая проверка документов стоила годы жизни.

Фаня видела все: ужасы гетто, издевательства, кошмарные, нескончаемые потоки ее единоплеменников, гонимых на убой, безнадежность, заплаканные лица перепуганных детишек, прижимающихся к родителям, инвалидов, которых тащили на себе или волокли на самодельных колясках, беспощадных, жестоких полицаяв и орущих немцев, прикладами и палками, подгоняющих этих несчастных, и огромных злых овчарок. Эти страшные картины, как ржавчина разедали душу, проникали во все ее уголки, лишили сна, покоя, доводили до полного иступления...

Немцы, окрыленные легкой победой, стали уверенно обосновываться. В городе появились разные учреждения, рынки, магазинчики, ларечки, а также всевозможные увеселительные заведения, кинотеатры, рестораны, рестораны. В тех из них, в которых собирались офицерская верхушка, выступали даже небольшие оркестры. Как-то Фаня познакомилась с одним из музыкантов, и он пригласил ее выступать с ними. Фаня, конечно, этому обрадовалась. Это был далеко не самый худший вариант, хоть какие-то гроши.

Ее выступления пользовались успехом. Фане не только горячо аплодировали и вызывали на бис, но дарили цветы, иногда конфеты или совсем неплохую косметику. Из всей этой курящей, жующей и пьющей зеленоватосерой офицерской массы выделялся один, высокий, стройный офицер с неплохим интеллигентным лицом. Он всегда приходил на Фанины выступления, внимательно слушал ее пение. После концертов неизменно преподносил большие букеты цветов и делал дорогие подарки. Иногда провожал или отвозил домой на своей машине. Звали его Альберт Фихте. Он был начальником какой-то крупной тыловой службы. Его ухаживания были ненавязчивыми, деликатными, приятными. С Альбертом было не только легко, но и интересно. До войны он работал архитектором. Его родители, достаточно состоятельные люди, дали единственному сыну хорошее образование. Альберт говорил на нескольких европейских языках, неплохо играл на рояле и, как большинство архитекторов, рисовал. Постепенно ухаживание Альберта становилось все более серьезным. Фаня глубоко запала в душу немецкому офицеру. Через какое-то время она с Олей перешли жить к Альберту. Фаня хорошо понимала, что надежной защиты ей не найти. Альберт оказался совсем неплохим семейником: заботливым, любящим, терпеливым. К Оле привязался, как к своей, возился с ней, обучал немецкому языку, баловал. Альберт был счастливым. Единственное, что ему не хватало - это ребенка от него и Фани. Но Фаня всяческими ухищрениями этого не допускала.

Их семейная идиллия продолжалась почти все время оккупации. Но наступили другие времена - фронт дрогнул, и немцы начали отступать. Кто-то этому обрадовался, а кого-то и огорчило. Когда бои подошли к Киеву, немцев охватила паника: они стали паковать чемоданы, тыловые службы приступили к эвакуации. Родители Альберта, проживающие в Германии, будучи негнупыми и практичными, поняли неизбежность краха и заблаговременно уехали в Чили, переведя туда и немалые средства.

Альберт, конечно, знал, кем в действительности является его Ванда. Он понимал, что рискует жизнью, но он ее любил, хотя и не мог не понимать, что Ванда никогда не была его и не могла ею быть. Но он на что-то надеясь, уговаривал ее уехать с ним к родителям, где они могли бы жить спокойно, в свое удовольствие. Но тщетно. Фаня неизменно уклонялась от этих разговоров. Перед ее глазами всегда стояли страшные картины палками подгоняемых полуживых, полумертвых, крики немецких солдат, зверства полицаяв и оскал свирепых овчарок. От всего этого не хотелось жить. Оно преследовало как тень, не отпуская ни на минуту, введало во все закоулки сознания, отравляя жизнь, лишая ее покоя и чувства радости. Фаня не могла видеть серо-зеленые шинели, не могла слышать немецкую речь. Это всегда доставляло ей боль. Нет и только нет! Она никуда не поедет. Даже с Альбертом, в котором так уверена. Фаня с нетерпением ждала советских войск...

Быстро подошло время расставания. Оно было тяжелым. Альберт прекрасно понимал, что теряет Фаню. Теряет навсегда. Больше не увидит родники на ее щеке, которую так любил целовать, не услышит ее голоса, не ощутит мягкой упругости ее плеч... Никогда! Конечно, Фаня рисковала, она даже хотела где-нибудь запрятать-

ся. За отказ уехать ей могли и отомстить. Но вряд ли Альберт пошел бы на это. Он ее слишком любил.

Альберт нежно прижимал Фанину голову к своей щеке, целовал ее глаза, руки, гладил ее волосы. Как он хотел все это увести с собой! А Оленька! Он привык к ней, привязался. В свободное время рисовал с ней домики, цветочки, по ночам вставал и укрывал упавшим одеялом ...

Дверь в комнату открылась без стука. Вошедший асы-ютант, поспешно взяв вещи и тревожно показал на часы...

В Киеве снова восстановилась советская власть. Ванда Свенцицкая снова стала Фаней Гальперинной. Ей больше не надо избегать людей, платком закрывать лицо, дрожать при каждой проверке документов, бояться депортации или немедленного расстрела. Конечно, судьба к ней отнеслась благосклонно, подарив жизнь. Но новая жизнь была совсем непростой: послевоенная разруха, безработица, голод, беднежье и снова старый вопрос: как жить, одной с ребенком на руках? Приходилось как-то выкручиваться, существовать на копейные заработки. Но постепенно жизнь стала налаживаться: восстанавливались разрушенные здания, строились новые, появлялись различные учреждения, оживилась торговля. Постепенно руки дошли и до оперного театра - визитной карточки Киева. Его начали ремонтировать и приводить в порядок. Одновременно восстанавливались и труппа театра. Фане удалось устроиться солисткой хора. Это ее несказанно обрадовало, и не только потому, что она смогла получать продуктовую карточку и какую-то зарплату, что в той жизни было совсем немаловажно, но и потому, что это был театр. Жизнь театра была ее жизнью.

Новые создаваемая труппа состояла из нескольких старых артистов и музыкантов, а также из новых, демобилизованных из армии или приехавших из эвакуации. Стали поговаривать о репертуаре, начались релетиции, спевки, разучивание ролей. Театр начал жить.

Мужская часть хора приобрела хорошего тенора. Его звали Рувим Коган, он был польским евреем и служил в одной из польских армий, воевавших на советской стороне, дважды ранен. На родине, в Польше, Рувим работал кантором Большой синагоги города Лодзи. Голос ему ставили в Италии. Вся его большая родня осталась там, в лагерях уничтожения, выжил он один.

Одиночество, совместная работа, общие заботы и общие интересы сблизил Рувима и Фаню. Они часто встречались, подолгу беседовали, иногда даже на идиш, рассказывали, распрощивались, проявляли друг о друге заботу. Вдвоем им было хорошо, и они поняли, что жить надо вместе.

После регистрации брака Рувим преподнес Фане обручальное кольцо, давно припасенное, и цветы, чем Фаню несказанно обрадовал. Для свадебного обеда где-то раздобыли немного картофеля и банку американской тушенки (такой в конце войны кормили наших солдат). По тем временам, когда люди голодали, и продукты были строго лимитированы карточной системой, такой обед был больше, чем барский.

У Рувима и Фани сложилась хорошая семья. Олю Рувим удочерил. Как приятно осознавать, что ты не одинок, что рядом всегда близкий, любящий человек, заботящийся о тебе, укутующий без тебя. Это, наверное, и есть семейное счастье. И они были счастливы. Но через какое-то время покой в их семье был нарушен - возникло еврейское государство. Государство Израиль - мечта и надежда случайно выживших осколков от вздрезки разбитого и расстрелянного народа. Радости не было предела. Рувим и Фаня этим заболели, только этим и жили. Туда! Только туда! В свое государство, где больше не будем презираемы, где больше не будем преследуемы, где больше не будем изгоями! Однако осуществить эту мечту оказалось не так-то просто. Своих детей мать-родина цепко держала в железных объятиях. Они сочиняли разные планы, придумывали всевозможные варианты, узнавали, спрашивали, но все тщетно - вырваться не удавалось.

Но неожиданно на далеком горизонте зажглась едва видимая звездочка надежды: вышел указ правительства, разрешающий бывшим польским подданным возвращение на родину. Из Польши уехать тоже совсем не просто, но там все-таки была какая-то возможность. И они решили этим воспользоваться. Пройдя муки издевательства, унижений и насмешек, свою мечту все же осуществили.

Когда самолет приземлился в аэропорту Лод и пассажиры, как и принято, в знак благодарности экипажу зааплодировали, у Фани на ресничках повисла слеза. Слеза радости и облегчения. Они обнялись и расцеловались. Сколько страданий, сколько смертей, море крови и слез! Наконец-то теперь дома!!!

Залман Кауфман

Гость редакции

Борис Клейн

- Борис Яковлевич, сегодня, в канун пятнадцатилетия общества Шалом, первым председателем которого Вы были, хочется подробнее узнать именно об этом, самом первом периоде, когда общество, собственно, становилось обществом, только-только вставало на ноги. Когда еще непривычно было прозвучать слово "еврей", когда стали открыто проводиться еврейские праздники. Как Вы пришли в еврейское движение?

Дело в том, что было объявлено в газете о собрании уже зарегистрированного общества Шалом в Доме актера, на котором будет избираться правление. Я и пришел на него. Всю подготовительную работу, включая регистрацию, проделала инициативная группа, возглавляемая преподавателем консерватории Леонидом Бутиром. Он собрал группу людей, которые провели учредительное собрание и подписали письмо в исполком Петрозаводского горсовета с просьбой о регистрации общества. Интересно привести полностью сам документ с решением о регистрации:

КАРЕЛЬСКАЯ АССР
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НА-
РОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

РЕШЕНИЕ
от 02.04.91 г. № 945
г.Петрозаводск

О регистрации Петрозаводского
общества еврейской культуры
"Шалом" ("Мир")

Рассмотрев решение учредительного собрания от 22.02.91 г. о создании Петрозаводского общества еврейской культуры "Шалом" и его устав, исполнительный комитет Петрозаводского городского Совета народных депутатов

РЕШИЛИ:

1. Зарегистрировать Петрозаводское общество еврейской культуры "Шалом".

2. Обязать встать на учет в налоговой инспекции г.Петрозаводска в 10-дневный срок.

Председатель исполкома С.Л.Катанандов
Управляющий делами исполкома Е.М.Трубин

И вот 4 июня 1991 года в Доме актера состоялись выборы первого правления общества. Присутствовали 53 человека, некоторых я знал, но с большинством познакомился лишь позже. Сначала решили избрать председателя. Думали, что председателем станет Леонид Бутир, так как это он все и организовал и, как говорится, "ему и карты в руки", но он уже собрался репатрироваться в Израиль и пришлось искать ему замену. Проблема заключалась в том, что многие не знали друг друга, предлагали кандидатуры почти наугад. Несколько человек отказались. Мою кандидатуру выдвинул Владимир Хазанович, его поддержал Юрий Гиммельман, который меня хорошо знал. Проголосовали единогласно. Затем было избрано правление: Александр Модылевский, Петр Лешберг, Михаил Зингер, Лия Хорош.

Я, как человек исполнительный, ответственный за порученное дело - недаром прошел хорошую жизненную школу на флоте - с удовольствием взялся за новое дело. 11 июня уже на заседании правления избрали Михаила Зингера заместителем председателя и секретарем, а казначеем - Елену Землянову. Установили вступительный взнос в сумме 12 рублей, годовой взнос - 6 рублей. 8 августа на встрече членов общества дополнительно ввели в правление Семена Кармазина, Анну

Полевую, Галину Резник, Александра Фукса. Тогда же рассмотрели вопрос по сообщению Лики Френкель о возможности контакта с Ленинградской еврейской ассоциацией.

- Как часто вы собирались?

В то время правление собиралось каждую неделю, и на заседания приходили не только его члены, но и активисты, те, кто впоследствии и стали ядром общины: Александр Фукс, Дмитрий Цвибель, Яков Бравый, Анатолий и Соня Резник, Борис Ушеренко, Борис Ревич с внучкой Леной, Лео Балло, Игорь Хазанов, Александр Кижнерман и многие другие - память, к сожалению, не сохранила всех имен. Очень активен был Герш Пукач, хотя в правление не вошел (он работал директором-распорядителем Музыкального и Русского драматического театров). Горячо дебатировался вопрос о форме членства в обществе: нужны ли списки, членские билеты, даже значки. Большинство склонялось к тому, что люди побоятся списков, и решили обойтись без всего этого.

Мы стали готовиться к проведению первого городского еврейского праздника Рош ха-Шана. Режиссером концерта был Семен Карп. Он выстраивал программу, в которой участвовали как наши гости - шведский ансамбль "Живая вода", так и местные исполнители, которых оказалось больше чем требовалось для концерта. Кроме того, принимал участие и клезмерский ансамбль, организованный Борисом Портным, с солистом Пашей Райтманом. Было много хлопот, так как наших гостей надо было разместить, накупить, свозить в Кижы (тут я воспользовался своей хорошей репутацией и связями и договорился с БОЮом). Кроме того, необходимо было договориться с помещением, угощения и множество проблем, с которыми мы сталкивались впервые. И еще были сомнения, получится ли все это, как отреагируют сами евреи - не побоятся ли прийти на праздник после столь долгого "подполья". А тут еще 20 августа грянул путч!

- Было страшно?

Конечно, ведь никто не знал, куда все это выльется, возможны были любые варианты развития ситуации. На мое имя пришла телеграмма из Москвы от центральной в то время еврейской организации ВААД:

"В связи с создавшейся в стране политической ситуацией в ВААДе создана круглосуточная информационная служба для обмена информацией о положении евреев и о текущей обстановке на местах. Мы надеемся получить от вас детальные сведения о том, что происходит в ваших регионах, и будем информировать вас о положении дел в центре и других регионах, а также о позиции ВААДа по поводу происходящих событий". Прилагался список телефонов, по которым можно было связаться с центром. Также поступило официальное заявление ВААДа, где, в частности, говорилось: "... ВААД призывает все еврейские организации и общины страны сохранять спокойствие, подчиняться в своей деятельности законно избранным властям и представлять на всех уровнях интересы еврейского национального меньшинства. Москва 20 августа 1991 года. Президиум ВААДа".

- И после этого, все же, решили проводить праздники?

Да, хотя многие сомневались, нужно ли это делать. Разделились мнения и в правлении. Уже перед самым проведением праздника мы обратились к министру внутренних дел КАССР Игорю Юнашу, попросив выделить охрану - было неспокойно после августовского мятежа.

И 9 сентября 1991 года (1 тшрея 5752 года от сотворения мира по еврейскому календарю) праздник состоялся, и это был триумф! Юрий Гольденберг изготавил приглашенные билеты. По всему городу были расклеены афиши прекрасного качества, на мелованной бумаге, отпечатанные в Швеции в неимоверном количестве - 5000 штук! Каждый, пришедший на праздник, получил афишу в подарок на память (у кого-то еще сохранился этот "трофей"), а на оставшихся мы еще несколько лет печатали на оборотной стороне свои афиши очередных праздников. Народу собралось больше, чем мог вместить зал, и некоторые сидели прямо на ступеньках. Об этом празднике много уже писали и вспоминают до сих пор.

Дальше, как говорится, все "завертелось". Следующий праздник - Симхат Тора, который состоялся 1 октября (ответственные Дмитрий Цвибель, Герш Пукач, Галина Резник, Анна Полевая), 16 ноября - первое занятие детской самодеятельности в школе № 40 (ответственные Галина Резник и Дмитрий Цвибель), 1 декабря - праздник Ханука (ответственные за проведение Герш Пукач и Лео Балло).

Между членами правления распределили обязанности: М.Зингер - контакты с городскими организациями; А.Модылевский - работа с ЦДК и спонсорами; П.Лешберг и Е.Лешберг - хозяйственные вопросы, финансы; С.Кармазин - редакционно-издательская работа; А.Фукс - молодежный сектор; Г.Резник - культурно-массовая работа; Б.Клейн - внешние связи; А.Полевая - секретарь.

Меня пригласили в Санкт-Петербург на учебу в

ноябре 1991. Там я узнал про газету АМИ, и она стала поступать к нам в общину. Стали получать и другую литературу. Впервые ходил в синагогу. Наладил контакт с региональным центром ВААД.

Командировали Галину Резник в Москву на семинар по вопросам репатриации.

- На какие средства осуществлялась деятельность общества?

В то время нас никто не финансировал, все, что мы имели - это частные пожертвования. На праздновании Рош ха-Шана Александр Фурман, который тогда организовал строительный кооператив, вручил мне 5000 рублей, сказав, что он меня хорошо знает и уверен, что деньги пойдут на дело. Эти деньги и стали основой первого фонда, которым мы могли распоряжаться. Была создана группа "Милосердие", которую возглавил Семен Кармазин. Составили списки нуждающихся, пригласили их, устроили чаепитие и выдали деньги - это была первая благотворительная акция для членов создающейся общины. Фонд стал пополняться добровольными пожертвованиями от Александра Фурмана, Петра Лешберга, Игоря Хазанова, Виктора Потневского, Хаима Ицкаря, и др. Иосиф Эль помогал продуктами. Когда был объявлен сбор средств на памятник, возводимый в г. Пушкине в память об убитых фашистами евреях города, мы выделили 250 рублей (памятник "Формула скорби" Вадима Сидура). Активно налаживали контакты с другими национальными обществами города: карелов, финнов, вепсов и др. Когда на правлении возник разговор о трудностях организации русского общества, мы решили выделить для регистрации общества 250 рублей. Проходящему тогда Конгрессу карелов мы послали приветствие.

- Какие основные проблемы были у Вас на тот период?

Главной проблемой было отсутствие своего помещения. 25 августа 1991 года мы написали письмо Сергею Катанандову с просьбой предоставить обществу помещение, а 26 декабря 1991 года вышло постановление о выделении нам в аренду помещения по улице Лисичиной площадью 16 кв.м. Мы его сами обустроили: Михаил Коган изготавил мебель (бесплатно, естественно), которая до сих пор используется, Борис Ревич отчеканил вывеску Шалом. Люди сами предлагали свои услуги по благоустройству нового еврейского дома - это и Фима Полевый, и Анатолий Резник, и Минна Куртши, и Фаня Цукарева, и Белла Толкоцир, и Софья Новопольцева, и Семен Бекенштейн и многие другие. Кто-то принес шторы, кто-то занавески, появились полки для книг, письменный стол, посуда, стала формироваться библиотека. И 19 января 1992 года состоялось первое заседание правления в новом помещении.

С началом постоянной работы офиса (арендную плату за него взял на себя Петр Лешберг) стали приходиться новые люди, появились общие интересы, общие дела - так незаметно стала формироваться община. Мы решили, что каждый имеет право выбора: оставаться в России или репатрироваться в Израиль, и относился к этому выбору одинаково уважительно. Олег Луховицкий проводил консультации по репатриации от СОХНУТа и давал уроки иврита, Галина Резник работала от Комитета по репатриации.

Были набраны группы на курсы иврита, рассчитанные на 30 занятий с оплатой в помещении Шалом - 200 рублей, в помещении Пединститута - 250. В офисе были установлены дежурства. Деятельность общества постоянно освещалась в прессе.

- Почему, все же, Вы решили оставить этот пост?

Круг проблем расширился, работы становилось все больше, времени на все у меня уже не хватало - я еще работал в БОПе и ухаживать не собирался (работа председателя не оплачивалась). Я понял, что нужен человек, который бы мог заниматься делами общества на постоянной основе. И 23 февраля 1992 года состоялось общее перевыборное собрание, на котором было избрано новое правление и новый председатель - Александр Модылевский - он только что вышел на пенсию и согласился возглавить общество. В правление вошли: П.Лешберг, А.Фукс, А.Полевая, Г.Резник, А.Дервянский, Е.Землянова, Г.Ицковский, Д.Цвибель.

Я аккуратно передал все дела и продолжал активно участвовать в жизни общества, помогал через свои связи. До сих пор в курсе всех дел общины, часто беседую с членами правлений теперь уже нескольких еврейских организаций, и рад, что все живут дружно, не делят сферы интересов. Слежу за еврейской прессой, у меня подборка всех номеров "Общинного вестника"...

- Дорогой Борис Яковлевич, наша община благодарна Вам за вклад в создание общества Шалом. Поздравляем с пятидесятилетием общества, желаем здоровья, бодрости, И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Записал Дмитрий Цвибель

ВТОРОГО АПРЕЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ОБЩЕСТВУ ШАЛОМ

Перед нами документ, положивший начало современному легальному еврейскому движению в Петрозаводске. Именно этот протокол стал тем саженцем, из которого и выросла сегодняшняя община, саженцем, который пестовали многие энтузиасты, отдавая свои силы, талант, здоровье на благо общего дела - построения еврейской общины, своей, не похожей на другие, как это и было на протяжении многовековой нашей истории.

Будем благодарны Вс-вышнему, да будет Имя Его благословенно, что нам дано было дожить до этого времени.

Будем благодарны всем, для кого община - это связь со своими корнями, своим народом, своим прошлым, настоящим и будущим!

ПРОТОКОЛ

учредительного общего собрания по созданию Петрозаводского общества еврейской культуры "Шалом" (Мир)
22.12.1990 г. Петрозаводск

На учредительном собрании Общества еврейской культуры "Шалом" (Мир), состоявшемся в помещении Дома Актера, присутствовало 32 чел.

Председатель собрания - Л.М. Бутир
Секретарь собрания - М.М. Зингер

1. Слушали: сообщение Л.М. Бутира о предложении инициативной группы, включающей И.А. Хазанова, М.Ш. Зингера, Г.М. Пучака, организовать Петрозаводское общество еврейской культуры. Докладчик сообщил, что в Петрозаводске проживает немало количество евреев, активно участвующих в экономической и культурной жизни города, работающих в сфере здравоохранения, народного образования и др. Еврейская община в г. Петрозаводске упоминается в этнографических источниках середины прошлого века. За последнее время наряду с оживлением национально-культурной деятельности карел, велсов, ингерманландцев и др. народов замечается тяга и лиц еврейской национальности к изучению истории и культуры своего народа. Создание еврейского культурного общества в Петрозаводске может содействовать пропаганде и дальнейшему развитию достижений еврейской культуры, укреплению

дружбы между народами, более тесному вовлечению евреев в выполнение стоящих перед жителями Петрозаводска в настоящее время задач.

Постановили: создать Петрозаводское общество еврейской культуры и обратиться в Исполком Петрозаводского городского Совета народных депутатов с просьбой зарегистрировать это общество в качестве добровольного общественного объединения. (За предложение проголосовало 32 чел.)

2. Слушали: предложение о наименовании Петрозаводского общества еврейской культуры.

Вносятся два предложения: М.Ш. Зингер предлагает название "Ле Хаим" (За жизнь); Г.М. Пучак предлагает назвать общество "Шалом" (Мир).

За первое предложение проголосовало 7 чел.

За второе предложение проголосовало 25 чел.

Постановили: именовать Петрозаводское общество еврейской культуры словом "Шалом".

3. Слушали: о принятии Устава Петрозаводского общества еврейской культуры. Л.М. Бутир зачитывает проект Устава. В обсуждении участвуют: П.Г. Лешберг, М.Ш. Зингер, Б.В. Ушеренко, с.Х. Хенкин.

Постановили: Устав Петрозаводского общества еврейской культуры утвердить. (Устав прилагается)

4. Вносятся и обсуждаются кандидатуры в состав Правления Петрозаводского общества еврейской культуры.

Постановили:

а) избрать Правление в следующем составе:

Рывкин Р.С.	Пучак Г.М.
Балло Л.З.	Зингер М.Ш.
Глейзель С.В.	Бутир Л.Л.
Хаскин В.О.	Буркин М.М.
Шапиро Т.Л.	Ушеренко Б.В.

б) обязать Правление представить Устав для регистрации в Исполком Петрозаводского городского Совета народных депутатов.

Председатель собрания
Секретарь собрания

Л.М. Бутир
М.Ш. Зингер

Наша кухня

Пасхальные бараночки

Для приготовления блюда Вам потребуются: вода - 3 стакана; масло растительное - 1 стакан; мука из мацы - 3 стакана; яйцо - 6 шт.; сахарный песок - 2 ст. л.; корица - 1 ч. л.; соль - 1/2 ч. л.

Мацу истолочь в ступе или пропустить через мясорубку. Воду, масло, столовую ложку сахарного песка, соль перемешать и вскипятить. Залить горячей смесью муки из мацы, посуду накрыть крышкой и дать остыть. В остывшее тесто положить 6 яиц, хорошо вымесить. Разделать небольшие бараночки, посыпать корицей, смешанной с сахаром и выпекать в духовом шкафу на листе, слегка смазанном маслом, на среднем огне 10-15 минут до румяного цвета.

Хремзлах

(Хремзлах - сладкое пасхальное изделие, приготовленное из мацы или галет.)

Мука из мацы или галет - 2 стакана; яйцо - 4-5 шт.; масло сливочное - 3 ст. л.; мед или варенье - 3 ст. л.; орехи грецкие (ядра) - 1/2 стакана; имбирь - 1/3 ч. л.; сахар - 3 ст. л.; соль - 1/4 ч. л.

Мацу или галеты хорошо истолочь в ступке или пропустить через мясорубку с мелкой решеткой. Поместить в миску. Залить одним стаканом подсоленной горячей воды, накрыть и дать постоять 15-20 минут. Когда масса остынет, добавить размягченное масло, растертое с желтками. Влить мед или варенье, положить орехи, имбирь и в последнюю очередь взбитые с сахаром белки, все хорошо размешать. Если масса окажется слишком густой, добавить 1-2 ст. ложки воды, если жидкой добавить немного муки. Тесто разделить на кусочки скатать в шарики величиной чуть больше куриного яйца и сформовать треугольники толщиной в 1,5-2 см. Запечь на сковороде с кипящим маслом до румяной корочки с одной и другой стороны. Подавать в холодном виде как десерт, можно с компотом или чаем.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

Еврейская община имеет честь поздравить с Днем рождения
ЛОЗОВСКУЮ ПРАСКОВЬЮ АРТЕМОВНУ
Здоровья, бодрости и до ста двадцати!

**СВОБОДЕН ИМЕННО ТОТ,
ЧЬЯ ВОЛЯ СОВПАДАЕТ
СО СВЯТЫМ ЗАКОНОМ**

Мозес Гесс

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

КОГАН Ольгу Антоновну

ЦЕГЕЛЬНИЦКУЮ Александру Дмитриевну

ГОЛЬДШЕРА Олега Михайловича

ФЕДОТОВА Владимира Михайловича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редакторы:
Давид Генделев
Дмитрий Цвибелъ

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой "Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1, тел. 78-20-18, факс 78-12-26
Тираж 300 экз.